

Психология в психозойскую эру: от анализа эволюции психики – к анализу психики как «двигателя» эволюции¹

А.Г. Асмолов Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила: 17 апреля 2013 / Принята к публикации: 23 апреля 2013

Psychology in psychozoic era: from the analysis of the evolution of the mind to the analysis of the psyche as a “driving force” of evolution

A.G. Asmolov Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Received: 17 april 2013 / Accepted for publication: 23 april 2013

В своем докладе автор рассматривает психологию с необычного ракурса – как науку об изменчивости, науку, занимающуюся генерированием, порождением разнообразия. Он кратко останавливается на первых, к сожалению, недооцененных, работах, выполненных в русле данной проблематики, среди авторов которых Бернштейн, Северцев, Леонтьев, Рубинштейн, Блонский, Вернадский, Бергсон, Берг и др. Сформулированы основные проблемы историко-эволюционного подхода социального конструктивизма: выделение анализа категории целенаправленной деятельности как универсальной формы существования жизни, выделение коммуникативного дискурса категории деятельности, интерпретируемой как основа существования биологических, социальных и психических систем. Раскрывается понятие деятельности как процесса генерирования разнообразия на разных уровнях системы. Говорится о работах ученых (Гуревича, Баткина Держдена и пр.), которые помогают увидеть эволюционный смысл деятельности как нарастания разнообразия. Поскольку, чем выше человек поднимается по линии эволюции, тем больше расходятся типовые программы его поведения и появляется набор вариативных программ. Автор показывает, что через деятельностный подход понимаются многие феноменологии культуры, что развитие культурно-деятельностной парадигмы приводит к тому, что психология выходит за рамки отдельной науки и выступает как уникальная парадигма будущего. Поскольку А.Н. Леонтьев рассматривал психологию как своеобразную мастерскую поддержки разнообразия, где психолог выступает как специалист по конструированию миров, автор делает вывод о том, что исследования деятельности, под которыми подразумевается разработка генерирования разнообразия в нашем мире неопределенности невероятно важна.

Ключевые слова: парадигма, развитие, эволюции психики, деятельностный подход, культурно-историческая теория деятельности, А.Н. Леонтьев. - уменьшено количество ключевых слов

In his report, the author examines the science of psychology with an unusual perspective – as the science of variability, which generates variable concepts. He puts emphasis on the first underestimated works carried out on a par with the problems highlighted by Bernstein Severtsev, Leontiev, Rubinstein, Blonsky, Vernadsky, Bergson, Berg and others. The article highlights the main challenges of the historical and evolutionary approach of social constructivism: a selection considering the class of purposeful activity as a universal form of life existence, the allocation of the communicative discourse categories of activity, which is interpreted as the basis for the existence of biological, social and psychological systems. The concept of activity as a process of generating diversity at various levels of the system is disclosed. The works of such scholars as Gurevich, Batkin, Gergen, etc. that help to see how the evolutionary significance of diversity are mentioned. The higher one rises through evolution, the more divergent model programs of his/her behaviour are, and there appears a set of variable programs. The author shows that through the activity approach many phenomenological issues of culture are perceived, the development of cultural activity paradigm leads to the fact that psychology goes beyond the scope of a separate science, and serves as a unique paradigm of the future. Since the A.N. Leontiev viewed psychology as a kind of workshop to support diversity, where the psychologist is as an expert in designing new worlds. The author concludes that the research of activities by which the development of diversity in this world of uncertainty is meant is incredibly important.

Keywords: paradigm, development, evolution of the human psyche, the activity approach, A.N. Leontiev, cultural historical activity theory.

¹ По материалам доклада на юбилейной научной конференции «Общепсихологическая теория деятельности: прошлое, настоящее, будущее» (к 110-летию со дня рождения А.Н. Леонтьева). 15 февраля 2013 года. МГУ имени М.В. Ломоносова. Факультет психологии

С Алексеем Николаевичем Леонтьевым всех нас связывает не только прошлое, но настоящее и будущее. Хочется напомнить, что память нам нужна не только как обращение к прошлому, память – это (как любил говорить Иосиф Моисеевич Фейгенберг) – «орган для прогнозирования или предвосхищения будущего». Поэтому любая юбилейная дата – не только повод для того, чтобы выразить уважение, честь, но и подумать о том, сколько было набедокурено Алексеем Николаевичем Леонтьевым, и можем ли мы сегодня еще набедокурить, пользуясь образным выражением Осипа Эмильевича Мандельштама, «на сложных дорогах» нашей с вами жизни.

В своем размышлении о творческом наследии Леонтьева я буду несколько зануден, выступая в академической, не присущей для меня манере. Первое из положений, на которое хотелось бы обратить внимание, заключается в том, что сейчас в биологических, поведенческих, социальных и (ввожу этот особый термин) – ментальных науках, все более остро ощущается дефицит синтетических концепций. Сегодня на роль «синтеза» при огромном количестве эмпирических фактов претендуют различные парадигмы. Парадигмы синергетики, парадигмы постмодернистской трактовки эволюции, парадигмы сетевого анализа. Этот перечень борющихся между собой парадигм я мог бы продолжать и продолжать. Ко многим из них можно отнести недооцененный пласт работ, который связан с пониманием психики и психологии как науки об изменчивости. Как науки, занимающейся определенным уровнем генерирования, порождения разнообразия. Не случайно педология, как наука о генерировании разнообразия, была репрессирована в 1935-х–37-х годах одновременно с генетикой. Тогда любые науки, которые в рамках жестких замкнутых систем претендовали на то, чтобы быть науками как институтами развития

непрогнозируемости, непредсказуемости, стирались с лица земли и уничтожались.

Страшно было произнести слово тестирование, поскольку за ним, как за культурологической процедурой стояла индивидуальность, непредсказуемость – то, что нельзя изменить и измерить. И, по сути дела, целый ряд направлений, связанных с разработкой разнообразия – подчеркиваю – и восхождения к разнообразию, сейчас как никогда актуален. Появляются интересные работы, среди которых книга Александра Маркова «Рождение сложности», где любая эволюция систем начинает рассматриваться как эволюция разнообразия. Хочется назвать и недавно вышедшую благодаря Дмитрию Алексеевичу Леонтьеву книжку А.Н. Леонтьева «Эволюция движения, деятельность», не «Деятельность. Сознание. Личность», а «Эволюция движения, деятельность». В этой работе отражено то, что было заложено во времена, когда вместе работали Николай Александрович Бернштейн, Александр Николаевич Северцов, Алексей Николаевич Леонтьев, Сергей Николаевич Рубинштейн и Павел Петрович Блонский, который говорил: «наука о поведении может быть понята только как наука о развитии поведения». Именно в те годы появились уникальные подходы, которые мы сейчас, к сожалению, недооцениваем.

В конце 1919 – начале 1920 годов «грязнули» идеи Вернадского и Ковалевского, которые вступили в противоречие с пониманием эволюции как конфликта, идущего от идей Дарвина, Маркса и Фрейда. Именно Вернадский и Ковалевский предложили первые наброски симбиотической концепции эволюции, что у нас тоже недооценено. Эти же вопросы были четко поставлены и в исследовании Петра Алексеевича Кропоткина, вышедшего в 1911 году. Работа называлась «Взаимопомощь людей и животных как фактор эволюции».

Где-то совсем рядом находятся работы гениального философа Анри Бергсона, среди которых хочется выделить кни-

гу «Творческая эволюция», достаточно хорошо известную. Практически одновременно появляется цикл работ, которые входят в резонанс с логикой исследований Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, К.Э. Фабри. Это работы, связанные с именами А.Н. Северцова и Я.И. Икскуля. В них на первый план выходит не исследование эволюции психики, (вспомните классическую работу А.Н. Леонтьева «Проблемы развития психики»), а (пользуясь формулировкой Северцова) «психика как движущая сила эволюции мира, движущая сила эволюции истории, движущая сила эволюции культуры».

Чем выше мы поднимаемся по линии эволюции, тем больше расходятся типовые программы поведения и появляется набор вариативных программ. Наибольшая дисгармоничность возникает у человека. Иными словами, эволюция, ссылаясь на формулировку У.Р. Эшби, – это рост разнообразия, стремление к разнообразию.

В этом ряду хочется упомянуть исследования гениального эволюциониста, врача и биолога Сергея Николаевича Давиденкова. В его книге 1947-го года «Эволюционно-генетические проблемы невропатологии» показано, как разные психические отклонения и изменения выводятся из эволюционно-генетической парадигмы. Среди этих работ я также упомяну исследования Александра Любищева, Александра Богданова, Льва Берга (его концепцию номогенеза) и работы Валерия Алексеева, известного нашего антрополога, который предложил идею о том, что не отбор правит миром, а вариативная эволюция. Человек захватил почти всю ойкумену и отсюда – эволюция в социокультурной реальности идет не по пути погашения, стабилизации, а по логике поддержки вариативности, поддержки разнообразия. Сегодня эти положения могут послужить основой для становления новых идей. Хочется назвать исследования биолога Анатолия Ивановича Григорьева, который работает в РАН по программе «Эволюция и психика», а также ряд работ по направлениям, представленных сегодня биосемиотикой, идущей от идей Икскуля, конструктивной экологией, опирающейся на идеи по аутопоэзису и саморазвитию Умберто Матурана и других.

Все эти идеи в свое время вступили в конфликт, в противоречие с господст-

Александр Григорьевич Асмолов – доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой психологии личности факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

вующей парадигмой мышления, в которой эволюция сводится к равновесию, к гомеостазу. И сегодня, когда мы говорим о симбиотической эволюции, крайне важно, чтобы мы отразили следующие вещи, которые выступают для меня как вопросы дальнейшей логики развития деятельности. Я их намечу только штрихами.

В контексте историко-эволюционного подхода социального конструктивизма выделяются следующие проблемы:

– Анализ категории целенаправленной деятельности как универсальной формы существования жизни, порождающий, продолжая логику Леонтьева, в биогенезе – образ мира как пространство биологических смыслов, в социогенезе – образ мира как пространство значений, в персоногенезе – образ мира как пространство личностных смыслов.

– В методологическом плане – выделение коммуникативного дискурса категории деятельности, интерпретируемой в качестве основы существования биологических, социальных и психических систем. Тем самым, мы выходим на понимание и диалог с научными школами в других науках, рассматривающих категорию деятельности как объяснительный принцип различных реальностей: природы, общества, культуры, экономики. Данный подход помогает «породниться» с тем, что ряд наших коллег, в частности Андрей Владиславович Юревич, называют направлением макроспсихологии. Когда мы выходим на анализ больших систем, а не замыкаемся в психологии как в отдельном доме, отдельной науке, мы выходим в общество, культуру, историю, экономику и каждый раз находим собратьев, которые рассматривают деятельность как порождающую систему.

За всеми этими подходами стоит четкое понимание того, что сегодня деятельностная парадигма – это парадигма социального конструирования миров. И это надо четко понять. В этом смысле и пафос деятельностной парадигмы как метанауки – говорю об этом с достаточной степенью жесткости. В этом ракурсе категория деятельности выполняет две функции:

– Опосредствующего (не путайте со словом опосредующее) звена, порождающего разные системы и их развитие:

биологические, социальные, экономические, культурологические.

– Коммуникации с другими науками, которые рассматривают деятельность как объяснительный принцип в экономике, социологии Парсонса и других подходах. Если продолжить параллель с известной метафорой о потоке сознания, то, рассматривая деятельность как движитель эволюции, мы движемся от деятельности к потоку сознания. Этот ход для нас с вами невероятно важен. В этом движении самое главное понять, что деятельность – это «мобиле ин мобиле» – подвижный в подвижном, изменяющийся в изменяющемся мире. Хочется вспомнить слова Выготского о том, что «там, где мы делаем постулаты, мы проигрываем. Если мы ставим сознание как постулат, то мы проигрываем сразу».

Я сто раз могу говорить, что мы – историческая концепция. От того, что говоришь мед, мед, мед, слаще не становится. Пока мы не раскроем, что стоит за исторической детерминацией развития разнообразия ментальности в истории существования разных цивилизаций, ничего не изменится. И в этом смысле нужно не проговаривать слово культурная, не проговаривать слово историческая, не креститься этими словами, а понять и дальше двигаться в диалоге с другими концепциями и подходами.

Закономерно возникает вопрос: что стоит за социальной детерминацией социокультурной динамики разных систем? Опять же, без диалога с разными подходами мы никуда не продвинемся.

Другой вопрос: что стоит за культурной детерминацией развития личности в разных культурах и в разных этносах?

Эти вопросы, поставленные в свое время, так и останутся вопросами, пока мы не перейдем от понимания деятельности, как замкнутой внутри себя, к пониманию деятельности, как движущей силы различных систем. При ответе на вопрос о природной детерминации перед нами открывается уникальный контакт с концепцией рассеивающего отбора Северцова, Давиденкова и Шмальгаузена. Особо хочется отметить работу Александра Николаевича Северцова «О различии двух типов прогресса в эволюции: биологического и морфофизиологического прогресса», где четко показано, что биологический прогресс

идет за счет изменения образа жизни, положения в биосфере. Эти идеи для нас важны и сегодня как никогда. Они, как и идеи Вагнера, так же, как современные идеи по биоэволюции и биоразнообразию, помогают нам увидеть главную характеристику деятельности.

Деятельность – это процесс генерирования разнообразия. Я хочу, чтобы мы это четко понимали. Деятельность – это уникальный генератор разнообразия на разных уровнях системы. И это показано на примерах культурологии в блестящих работах Юрия Михайловича Лотмана, который вводит представление о механизмах нарастания разнообразия и механизмах неопределенности в культуре. Лотман показывает на оси исторического времени, что всегда существует неопределенность, всегда есть пустыня «бестактности». И через эту пустыню мы проходим.

Понять, что происходит с культурной детерминацией, нам поможет встреча с уникальными работами английского антрополога Виктора Тернера, так же, как и с работами Проппа, Бахтина, где мы анализируем подобного рода подходы. В социальных науках работа «Социальная психология как история», а также «Социальный конструкционизм» Джерджене помогают увидеть эволюционный смысл деятельности как нарастание разнообразия.

В таких науках, как социология, мы видим, как эксплуатируется категория деятельности такими мастерами деятельностного анализа истории, как Вебер, Парсонс, Дарендорф, Гофман, Шутц и Хабермас. Здесь мы видим разные уникальные подходы, диалог с которыми, как и с идеями Р.Л. Акоффа о целеустремленных системах, может задать новый мейнстрим деятельностного подхода.

Хочу сделать следующие выводы. Обращение к категории целенаправленной деятельности в качестве принципа функционирования систем выступает как мейнстрим в различных поведенческих, социальных и гуманитарных науках. Это первое.

Второе. Эксплуатация деятельности позволяет выделить генерирование разнообразия как функцию целенаправленной деятельности.

И, наконец, третье. Дальнейшее развитие культурно-деятельностной парадигмы как парадигмы социального кон-

структуризма приводит к тому, что психология выходит за рамки отдельной науки, а стиль мышления, созданный в работах Выготского, Рубинштейна, становится стилем мышления, который в буквальном смысле охватывает те науки, которые сегодня развиваются и выступают как уникальная парадигма будущего. Я хочу, чтобы мы вспоминали слова Николая Александровича Бернштейна: «задача рождает орган». Мы же очень часто живем по другим принципам. Мы сначала придумываем «органы», а потом под них находим те или иные задачи.

Когда мы обращаемся к идеям А.Н. Леонтьева, когда обращаемся к культурно-деятельностной (так я сегодня называю наш подход) парадигме развития разнообразия, то должны четко понимать, что выходим в зону социальных практик, а не отсиживаемся в кабинетах лабораторий. Было бы странно, если бы мы там находились. Недавно у меня вышла книга «Оптика просвещения социокультур-

ной перспективы», в которой показано, насколько лучше через деятельностный подход понимаются многие феноменологии культуры, в частности, феноменологии, в которых становится понятно, что цена неадаптивности индивида (термин Вадима Петровского) есть цена за адаптацию вида.

Каждый раз мы должны понимать, что, предлагая практическую психологию, мы предлагаем психологию как мастерскую поддержки разнообразия. Каждый раз мы должны понимать, что психолог – это специалист по конструированию миров. В культуре существуют такие механизмы, как селекция состоявшихся людей. Обратите внимание на этот механизм в историкогенезе. Могу привести краткие примеры. В 1930-е годы коллективизация – селекция предпринимателей, которые назывались кулаками. Далее промпартия – селекция талантливых инженеров. Теперь у нас начинается олигархофобия и другие подобного рода процессы. Каждый раз,

когда в культуре появляются люди, которым говорят: «ну что, тебе больше всех надо?», мы сталкиваемся с тем, что работает историко-эволюционная селекция.

Я хочу подчеркнуть, что идея неопределенности, идея непредсказуемости присуща каждой личности. И если у каждого из вас, когда вы будете прикасаться к бессмертным трудам моего любимого человека – Алексея Николаевича Леонтьева, вдруг возникнет озарение, и вы себе понравитесь за то, что, прикоснувшись к этим трудам, сделали уникальный прыжок в понимание, преодоление гомеостаза самого себя и своего развития. И если каждый из вас при этом вдруг скажет себе: Ай да Пушкин! Ай да сукин сын! – удивившись самому себе, или: Ай да Цветаева! Ай да сукина дочь! – то не удивляйтесь, потому что в буквальном смысле слова – вы непредсказуемы! Поэтому разработка деятельности, разработка генерирования разнообразия в нашем мире неопределенности невероятно важна.